

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Стихи казахстанских поэтов о войне и Победе

Сергей ЗВАНЦЕВ

Память сердца

Поэма

Поклонимся великим тем годам,
Пусть в них порой скрывается такое,
Что напроочь сна лишает и покоя,
Сомнений груз подбрасывая нам.

Что нового сказать о той войне?
Как должное воздать
героям павшим,
Сполна хлебнувшим
из кровавой чаши,
Отдавшим всё,
чтоб жить родной стране?

Война, война, великая беда,
Враг от границ дошёл
до стен столицы...
Сложилась так событий вереница,
Ошибок и просчётов череда.

Но наш народ причин искать не стал
В потрясших всю страну
недавних бедах,
Он без сомнений на алтарь Победы
Всё, что имел, отдал – и устоял!

И вопреки всем бедам и смертям,
И стар, и млад,
забыв про день вчерашний,
С врагом сошёлся
в схватке рукопашной,
Да так, что стало жарко всем чертям!

И пусть сейчас твердят со всех сторон
О переосмыслении былого –
Нет в этом прошлом ничего такого,
Чтобы затмить величье тех времен.

Да, не понять
последних мирных дней
Граничившую с тупостью
беспечность,
И, как укор, оставшийся навечно –
Останки всех безвестных сыновей.

Да, был и тяжких поражений срам,
И гибнувшие ни за что солдаты,
И рёв «гу-га»
идущих в бой штрафбатов
Под действием наркомовских
ста грамм.

А власовский
предательский синдром?
Его с весов истории не скинешь,
Или с негодованьем не отринешь –
Он просто был, как в ясном небе гром.

В плен угодившая под Вязьмой рать.
И сотни тысяч лёгших подо Ржевом! –
Всё это то, чего нельзя без гнева
Ни вспомнить,
ни тем паче оправдать.

Не вычеркнешь, как и из песни слов,
Ни материнских слёз
над похоронкой,
Ни ранней седины, полоской тонкой
Блеснувшей в косах
безутешных вдов.

Нельзя забыть об этом никогда,
Ведь это память сердца – не иначе!
Горит святой огонь, а это значит –
Есть то, над чем не властвуют года.

Но и другое сохранил народ,
Став летописцем подвигов и славы
Великих битв, доселе не бывалых,
Где жизнь была ценой за шаг вперёд.

Немало знал всего двадцатый век,
Его уже ничто не удивляло,
Но чтобы твёрже
самой крепкой стали
Из крови был и плоти Человек! –

К такому он был явно не готов,
И объяснить по-разному пытался...
А правда в том,
что каждый насмерть дрался,
Не предъявляя Родине счетов!

И, головы пред пульей не склонив,
Телами амбразуры закрывали,
Цена одно – покой родного края!
И удивит потомков странный миф

О том, как в бой ходили «старики»,
Которым с виду было
чуть за двадцать,
А их со смертью
каждый день встречаться
Политиков безумства обрекли.

И разве кто иль что-то умалит
Ту жертвенность,
примеров тьма которой
Явила миру битва под Москвою –
То был порыв,
что с силой воли слит!

Не потерял свой смысл
с течением лет,
Рождённый доблестью,
а не бравадой,
Девиз живых и мёртвых
Сталинграда:
«За Волгою земли нам больше нет!»

А Ленинград, что боль свою тая,
Не задохнулся от блокадной цепи!
А клич акына из казахской степи:
«Вы дети мне, и гордость вы моя!»

А смертный бой,
сломивший дух врагу,
Когда сошлись грудь в грудь
железо, люди,
И с содроганьем
вспоминаться будет,
Как распрямляли Курскую дугу!

И это всё – лишь вехи славных дел,
Назвать их все,
конечно, невозможно,
Но знает мир
(и скромность будет ложной),
Кто положил фашизма зла предел!

Кто претерпел и отступлений крах,
И пыл атак, и холодность окопов,
Кто дал вновь встать
поверженной Европе,
Кто свастику низверг
навек в прах!

Да не дерзнут, чьи б ни были, уста
Об этом поминать недобрым словом!
Способны те ниспровергать
всё снова,
В ком «ванька» жив,
не помнящий родства.

Упали буквы бронзой на гранит,
Мысль воплотилась
звонко и открыто:
«НИЧТО из тех событий
НЕ ЗАБЫТО,
НИКТО из тех героев НЕ ЗАБЫТ!»

Вернула жизнь извечные права –
Вошла опять в своё былое русло,
Тоска в душе
сменилась тихой грустью,
Боль ран земли укутала трава.

Как исцеленье горестных утрат
И испытаний, выпавших на долю,
Заколосилась рожь на ратном поле,
Распаханном рукой былых солдат.

Война ушла... И всё же надо знать
Что это было, как всё это было,
Как умирали и бесстрашно жили!
Как не дали Отечество распыть!

Не обо всём учебника глава
Поведает – там только буквы, точки,
А сохранять,
что скрыто между строчек –
Дар памяти, что до сих пор жива.

Я ни за что ту память не отдам,
Она как нить, связующая души,
Не приведи Господь её разрушить...
Поклонимся великим тем годам!

Александра СУСЛОВА

Великая Отечественная в судьбе моей семьи

* * *

Ищу в военной хронике отца
И безуспешно вглядываюсь в лица.
И в гимнастёрках
выцветших бойцам
Я до земли готова поклониться.

И в серых кадрах старого кино,
Мне кажется, вот он идёт в атаку.
Отец мой, в измерении ином
С остатком роты,
маленьким остатком.

Над полем облаков багровых тень.
Бегут фашисты, получайте, нате!
Молю я: «Пуля-дура, не задень
Солдатику, похожего на батю!»

* * *

Мама девочкой пила
бойцам гимнастёрки
И стирала кровавые кучи бинтов.
Письма с фронта носила,
и в сумке потёртой
Прижилась злая боль
похоронных листов.

Голосили по хатам
воронежским вдовы,
Сипло женщины выли,
надсадно, без слов.
Маме лишь восемнадцать,
а горяшка вдоволь,
Дни в надежде и страхе,
и ночи без снов.

А отцу – двадцать лет,
и в зубах самокрутка,
Гимнастёрка внатяжку,
медали звенят.
Им до встречи друг с другом
лет десять, не шутка.
Им ещё предстояло
дождаться меня.

С фотографий военных
наивные лица
Смотрят в наши глаза –
продолженье своё,
И атаки отца
будут долго мне сниться
Под немолчный в ночи
гул тяжелых боёв.

И в печально-торжественный
праздник Победы,
Утирая солёные слезы с лица,
Растревожив себя
поминальным обедом,

Разложу перед внуком
медали отца.

Всё это было до меня

Всё это было до меня:
бежала мама по перрону,
«Прощай», – кричала эшелону,
фашистских извергов кланя.
И голос, ноябрём простужен,
летел за Лёшкой, юным мужем,
раздавлен был взрывной волной,
накрыт безумною войной.

Всё это было до меня:
отец в настывшие портянки
укутал ноги, как в жестянки,
и в бой ушёл на склоне дня.
Ещё не знал, как мне он нужен:
он не был ни отцом, ни мужем,
а просто взводным в двадцать лет,
чуть-чуть солдат, чуть-чуть поэт.

Всё это было до меня:
отец мой с выправкой нештатской,
девчонке, но вдове солдатской
дарил ромашки у плетня.
Они, обделены войною,
мечтали встретиться со мною,
и в ленинградской стороне
рожденье подарили мне.

И память их живёт во мне:
опять бегу я по перрону,
кричу осипло эшелону:
«Остановитесь, вы в огне!»
До боли натирают ноги
портянок складки. И в тревоге...
спешу стереть остатки сна.
Я тоже той войной больна.

Я защищаю Победу

Будит нас всё-таки генная память,
В связях нейронных
взрывается болью:
Юность отца жгло военное пламя,
Мне те ожоги – кипящую смолью.
Дед мой, горевший
в огне Сталинграда,

Крыл очень сочно
фашистов по-русски.
После контузии
с дёрганным взглядом
Крыл их по матушке
с прищуром узким.

Девочка рыжая в сумке почтовой
В страхе носила в дома похоронки.
Скоро рожать ей,
полгода как вдовой,
Маме моей, тонконогой девчонке.

В грохоте взрывов
мальчишка в чулане
Хатки воронежской миру явился.
Плакала бабушка: «Вместо батяни»,
Мама смеялась –
защитник родился!

Папка мой будущий,
дерзкий разведчик,
Старший сержант звуковой батареи,
Мамины вдовьи усталые плечи
После Победы уж обнял, робея.

Судеб их трудных былые уроки
В память мою записались надолго.
Строк застаревшие кровоподтёки
Словно порезы от ржавых осколков.

Больно сегодня
в словесных порывах
Слышать чужие оценки Победы.
Но упаси нас, Господь, от разрыва
Связки скрепляющей:
правнуки – деды.

В Майнце немецком
со старым солдатом
Встреча случилась, и в ходе беседы
Вдруг он заплакал,
сказал хрипловато:
«Ваши солдаты достойны Победы!»

Он повторял, и вокруг затихали,
Плакали люди, давно седовласы...
Я защищаю Победу стихами –
Всем, чем могу – до последнего часа.

Владимир КРАСНЕР

* * *

*Моим друзьям детдомовской поры –
Виктору и Лео Ермаковым
посвящается*

Войну увидеть в детстве довелось...
Живую болью вновь передо мною
Проходят и уходят под откос
Дни детства, опалённые войною...

* * *

«Если завтра война» –
Так мы пели детьми вдохновенно,
«Если завтра в поход» –
Так мы пели всюю, пацанва,
И не знали о том,
Что накличем военное время,
И не знали о том,
Что действительно будет война.

«Если завтра война» –
Пели мы, и она появилась,
Мы узнали о ней
На детдомовском нашем дворе.
«Если враг нападёт» –
Распевали,
И это свершилось,
Наступила война,
Наступила,
Пришла на заре...

* * *

Как страшно видеть
Над собою небо
И о налётах
Буднично гадать;
Как страшно разом
Съесть всю норму хлеба
И знать, что больше
Неоткуда взять...

Как страшно видеть
Самолёт летящий
И бомбы механически считать...
Как страшно было
Знать о настоящем
И ничего о будущем не знать...

* * *

Война, война – до горизонта,
 Боёв запутанный клубок.
 «Всё для победы!
 Всё для фронта!» –
 Мы это знали назубок.

«Вперёд!» – твердили, как молитву,
 Полны недетскою тоской.
 Мы жили битвой под Москвой,
 Мы Сталинградской жили битвой!

О, наступлений наших скерцо!
 Из детства помню своего:
 «Наука ненависти» в сердце,
 В глазах плакат –
 «Убей его!»

Недоедали постоянно.
 Потерь и грусти полоса.
 Мы пели в хоре – и стеклянно
 Звенели наши голоса.

* * *

Я писем никаких не получал...
 Четыре долгих года я глядел,
 Как раздавали их, меня минуя.
 Следы моих сестёр я потерял,
 Следы дотла давно войною стёрты...
 Четыре долгих года ожиданий –
 И вот узнал я, что и мне письмо,
 (Верней, не мне –
 директору детдома).
 Меня директор позвала к себе
 И ласково со мной заговорила,
 Потом письмо, что от сестры,
 читала...
 И я сидел, от радости дрожа,
 Вскочить готовый
 и схватить листок!
 Она читала –
 Я за ней следил,
 Я каждый взгляд,
 Я каждый жест ловил,
 Насквозь пронизан
 Током нетерпенья...
 Теперь и я спешил
 Письмо отправить,
 Жил ожиданьем
 Скорого ответа
 И радовался,
 Что не одиночек!

* * *

Что наши мелочные беды,
 Обиды, спор из-за куска?
 Мы дни считали до Победы,
 Когда узнали, что близка.

Мы знали, что не будем сыты,
 Что будут прежние пайки,
 Но всё же День, слезой омытый,
 Всеми на свете вопреки,
 Мы ждали.
 Дождались однажды,
 И с лиц сошла тревоги тень,
 На улицах сирени влажной
 Сияли звёзды в майский день.

* * *

Хлебные карточки,
 Как невесомы вы!
 Тоненький листик –
 Опора вы дома!
 Как вы нам, карточки,
 Дороги были!
 Мы вас теряли
 И находили!
 Хлебные карточки,
 Как невесомы вы!
 Наше спасение,
 Скорая помощь!
 Не было, карточки,
 Вас в тридцать третьем –
 Вы бы отца защитили
 От смерти...
 Всю нашу жизнь расчертили
 На граммы...
 Вы бы,
 Я знаю,
 Спасли нашу маму...
 Хлебные карточки,
 Скорая помощь –
 Как невесомы вы,
 Как невесомы!

* * *

О людях думать плохо не хочу,
 Ищу я в человеке человека.
 Я жизни колесо назад верчу,
 Кручу назад,
 Почти к истокам века.

Что в жизни было?
 Голод и война,
 Годов послевоенная разруха,
 Из пепла возрождённая страна.
 Кусочек хлеба.
 Ложка затирухи.

Смотрю по телевизору войну...

Смотрю по телевизору войну...
 Валы огня.
 Смертельные приливы.
 И в комнатный уют и тишину
 Врываются непрошено разрывы.

Смотрю по телевизору войну,
 Смотрю – и не выдерживают нервы!
 Я слышу про огромную страну,
 Про смертный бой,
 Что вспыхнул в сорок первом.

Беснуется экранная война!
 Могу я прекратить проклятье это:
 Щелчок – и наступила тишина,
 И за окном –
 в июньских звёздах лето.

Смотрю по телевизору войну,
 Потом лежу и долго не засну,
 Не помогает никакое средство...
 Смотрю по телевизору войну
 И вижу край обугленного детства...

* * *

Играет внук – наборы пистолетов.
 Играет внук – фуражка набекрень.
 А за окном – ликующее лето,
 Как в тот июньский
 самый горький день.

Приставил внук ружьё
 к моей груди.
 – Сдаюсь! – молю пощады.
 Дело скверно!..
 Война, война...
 Господь не приведи...

Я становлюсь ужасно суеверным!

* * *

Я спешу землёй налюбоваться –
 Тишина ведь может оборваться...

Надышаться,
 Вдоволь набродиться –
 Может в мире всё остановиться!

Тороплюсь к ручью
 Припасть губою,
 Наглядеться в небо голубое,

Всем вокруг спешу налюбоваться –
 Тишина ведь может оборваться!

Владимир ТРИСЕЕВ

Дымится костер у дороги...

Дымится костер у дороги,
 Дымится и юность моя.
 Сгорела в военные годы
 В жестоких и страшных боях.

Лишь в памяти лица остались,
 Свист просвистевших пуль.
 Разрывы от бомб и снарядов
 И острая, сильная боль.

На койке, в плену медсанбата,
 Очнулся под утро, и вот –
 Остался без ног я, ребята,
 Теперь доживаю свой срок.

Смотрю на потухшие угли,
 Сбегаёт слеза со щеки.
 Друзей не вернувшихся помню,
 Ушли они в эхо войны.

Наладилась жизнь помаленьку,
 Но сердце щемит и щемит.
 Зачем же Всевышний на небе
 Меня одного сохранил.

Быть может, чтоб видели люди
 И знали по мне о войне.
 Что ноги оставил на фронте,
 На огненной Курской дуге.

Дымится костер у дороги,
 Дымится и юность моя.
 Смотрю я на орден с медалью
 И падает в угли слеза.

09.05.2018

Памяти фронтовика

Осталась от деда фляжка,
Два ордена Красной звезды,
Медаль за отвагу и пряжка,
Помятая пулей с войны.

Смотрю на нее в День Победы,
На ветхий газетный листок,
На все фотографии деда,
Где был он еще молодой.

Он смотрит в глаза, не моргая,
Застывшим взглядом своим.
В серой шинели, в погонах
Сержантские лычки видны.

А пряжка спасла его в Праге,
Фашистская пуля в нее
Попала и пряжку помяла,
Другие вошли в плечо.

И долгие дни медсанбата,
В контузии, ранах своих.
Он встретил победу под Прагой
И орден за бой получил.

Сказались военные раны
И трудные годы войны.
Прожил он недолго, но память
Свою он со мной разделил.

Я понял, что мир – это важно,
И важно его сохранить.
А если придется, то честно
Родине надо служить.

Ермурат КЕНЖЕШ

Задание Дарие в школе ко Дню Победы

Спросила я однажды деда:
«Что в мае празднует народ?
И почему кричат “Победа!!!”
И славят армию и флот?»

Учитель в школе нам сказала,
Был мир в огне, была война,
Стихией страшной бушевала
И многих забрала она.

Что в той войне, как ты ребята
Спасали Родину свою,
Плечом к плечу и плотным рядом
В едином огненном строю.

Я не хочу попасть в то время,
Где смерть таилась за углом.
Как страшно, что такое бремя
Досталось вам в борьбе со злом.

Спасибо, милый мой аташка,
За то, что я живу! Дышу!
За то, что надо мною пташка,
А не раскрытый парашют».

А дед всё смотрит, не меняясь,
И тихо блекнут ордена,
На фото, мирно улыбаясь
Из времени, где шла война.

